

ФИЛОСОФСКАЯ АНАЛИТИКА ЯЗЫКА

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-1.1-132-141

УДК 165.21

ЯЗЫКОВАЯ РЕФЛЕКСИЯ МИРА В ФИЛОСОФИИ ЛЮДВИГА ВИТГЕНШТЕЙНА

Астахов Олег Юрьевич,

*кандидат культурологии, доцент,
профессор кафедры культурологии
Кемеровского государственного института культуры,
Россия, 650029, Кемерово, ул. Ворошилова, 17*
ORCID: 0000-0002-2764-7686
astahov_oleg@mail.ru

Web of Science Researcher ID: U-8120-2017

Ртищева Оксана Владимировна,

*кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков,
директор Социально-гуманитарного института,
декан социально-гуманитарного факультета
Кемеровского государственного института культуры
Россия, 650029, Кемерово, ул. Ворошилова, 17*
ORCID: 0000-0003-2861-471X
ortishheva@mail.ru

Web of Science Researcher ID: U-8059-2017

Аннотация

В статье рассматриваются философские идеи Л. Витгенштейна, связанные с пониманием языка как принципа рефлексии мира. При обращении к его «Логико-философскому трактату», посвященному выявлению специфики логического анализа, отмечается, что высшей формой проявления языковой рефлексии мира для автора становится молчание. Рассматривая язык в аспекте возможности выражения невыразимого, автор приходит к «метафилософской» проблематике, связанной с созданием новой онтологии мира, которая в идеале призвана обеспечить «правильное видение мира». В более поздней работе «Философские исследования» Л. Витгенштейн обращается к рассмотрению практического содержания языковой рефлексии мира в отношении к самой жизни. В связи с этим автор приходит к мысли о существовании языковых игр, практическая реализация которых способствует открытию множественности смыслов, связь которых не всегда оказывается очевидной. Такое многообразие языковых игр не поддается структурному анализу. Они мыслятся Л. Витгенштейном как компоненты деятельности или формы жизни, притом не менее многообразные, чем сами жизненные практики. Поэтому языковая рефлексия мира, по мнению автора, требует установления связи с жизнью в ее реальном воплощении. Эту задачу и пытается решить Л. Витгенштейн, обращаясь к характеристике функционально-игровой модели языка. Пытаясь установить под-

линную связь языка с миром в его бытийном содержании, автор стремится к постижению принципов ясного мышления, свободного от всевозможных языковых заблуждений.

Ключевые слова: аналитическая философия, логика, рефлексивное миропонимание, языковая рефлексия, языковая игра, прагматика.

Библиографическое описание для цитирования:

Астахов О.Ю., Ртищева О.В. Языковая рефлексия мира в философии Людвига Витгенштейна // Идеи и идеалы. – 2018. – № 1, т. 1. – С. 132–141. – doi: 10.17212/2075-0862-2018-1.1-132-141.

Обращаясь к философским работам Л. Витгенштейна, большинство исследователей отмечают неоднозначность их содержания, что во многом определяется незавершенной рефлексией мыслителя о невыразимом смысле мироустройства. Поэтому сложно включить автора в контекст существующих философских направлений начала XX века. В связи с этим В.В. Библихин отмечает: «Для того невыразимого, что оберегалось его словами, на языке современности не нашлось других обозначений, кроме «логический позитивизм», «логический эмпиризм», «аналитическая философия», «лингвистическая философия». При серьезной попытке подступить к его мысли надобность пользоваться этими рубриками отпадает. Ориентация на них уводит от дела в сферу интеллектуальных конструктов. Витгенштейн занят не теорией, которая обслуживала бы практику..., а онтологической этикой, делом хранения бытия» [1, с. 11].

Подобного рода установки Л. Витгенштейна, связанные с решением вопросов «онтологической этики», определяются М. Мамардашвили как открытие достоинства бытия: «Вот об этом учит и это испытала на себе Вена начала века. Я бы сказал так, что великие австрийцы Витгенштейн, Гуссерль, Фрейд, Музиль, Кафка, Шёнберг – можно бесконечно перечислять их имена – вернули нам гордое достоинство бытия, бытия, которое недостойно, если оно само собой разумеется, если оно может быть налажено механически, и достойно и может быть продуктивной гордостью в человеке бытийствующем, если оно не может быть гарантировано надежно и навсегда» [7, с. 392]. В этом ключе идеи Л. Витгенштейна следует рассматривать через призму рефлексии бытия в его постоянном становлении, поэтому М. Мамардашвили, характеризуя творчество философа, отмечает: «... Кажется, будто ему приснился мир, и всю последующую жизнь он без особого успеха пытался помыслить то, что ему пригрезилось во сне, – это и есть еще одно доказательство хрупкости всего высокого в человеке, в том числе и мысли. Мысль тоже нельзя иметь, ее можно лишь пытаться снова и снова мыслить, мысль нельзя отложить, завоевав, и потом обратиться к ней по надобности – владеть ею нельзя» [Там же, с. 401]. Невозможность уста-

новления априорных идей, во всяком случае их конкретного обозначения, а не указания на них, подтверждается всем творчеством Л. Витгенштейна.

В 1921 году был опубликован его «Логико-философский трактат», который получил широкий резонанс, о чем свидетельствовала дискуссия членов Венского кружка о возможности принятия этого текста в качестве программной работы (сам Л. Витгенштейн не принимал участия в обсуждении своих идей). Ряд исследователей рассматривал это сочинение, в котором был представлен метод логического анализа и сформулирована доктрина логического атомизма, в качестве программной установки аналитической философии. Основателями аналитической философии принято считать Б. Рассела и Г. Фреге. Сам Л. Витгенштейн в предисловии к «Логико-философскому трактату» отмечает: «Хочу упомянуть лишь выдающиеся труды Фреге и работы моего друга сэра Бертрана Рассела, которые послужили источником для большей части моей книги» [2, с. 15]. Однако наряду с этим философ констатирует значимость самостоятельного видения проблем: «В какой мере мои стремления совпадают со стремлениями других философов, не мне судить. Да написанное мною здесь и не имеет претензий на новизну частностей, и я не привожу никаких источников, поскольку мне совершенно безразлично, приходило ли на ум другим то, о чем думал я» [Там же, с. 14–15]. Может показаться, что такого рода утверждения свидетельствуют о крайнем субъективизме, однако автор таким образом выражает стремление к непосредственному восприятию рассматриваемых вопросов, следуя принципу ясности мысли: «Мне кажется истинность приводимых здесь мыслей непреложной и окончательной» [Там же, с. 15].

Отправной точкой рассуждений Л. Витгенштейна выступает понятие «мир». Первый тезис работы: «Мир – это все, чему случается быть» («Мир есть все то, что имеет место») [Там же, с. 18]. В этом суждении отмечается, что локализация мира осуществляется не в физическом, а в логическом пространстве. При этом логика не обладает информативным содержанием. В связи с этим В. Руднев отмечает, что одним из важнейших аспектов этого утверждения выступает тавтологическое содержание. То есть парадокс ситуации заключается в том, что философ согласовывает цельность мира и отсутствие причинных связей явлений: «Связь может быть только логической, т. е. тавтологической, неинформативной» [Там же, с. 19].

Далее Л. Витгенштейн пишет о том, что мир структурируется в соответствии с правилами, закрепленными в языке. И более того, как отмечает В.В. Бибихин, язык для философа выступает как продолжение мира, они нераздельны [1, с. 40]. В результате этой целостности мира и его языковой рефлексии понимание мира и соответственно языка осмысливается философом в тавтологических отношениях. В рассуждениях о структуре мира и его языковой рефлексии очевидным является осозна-

ние того, что находится в пределах мира, однако возникает вопрос: а как определяются его границы? Но рассуждения о границах мира оказываются невозможными, так как субъект всегда находится «внутри» мира, и его рефлексия прямо или косвенно определяется формами созерцания внутри мыслимого мира [4, с. 16].

Эти вопросы поставлены уже в предисловии «Логико-философского трактата», где автор пишет: «Весь Смысл книги можно охватить приблизительно такими словами: то, что вообще можно сказать, можно сказать ясно, а о том, о чем нельзя говорить, должно хранить молчание. Стало быть, книга проводит границу мышлению, или, скорее, не мышлению, а проявлению мыслей. Ибо, чтобы провести границу мышлению, мы должны были бы быть в состоянии мыслить по обе стороны этой границы (мы должны были бы, тем самым, быть в состоянии мыслить о том, о чем мыслить нельзя). Стало быть, граница может быть проведена лишь внутри языка. То, что лежит по ту сторону границы, будет просто лишено Смысла» [2, с. 14].

Рассуждая о том, о чем говорить невозможно, Л. Витгенштейн приходит к выводу о том, что высшей формой проявления языковой рефлексии мира становится молчание. Такое молчание характеризуется не просто отсутствием звуков, но и внутренним молчанием, т. е. молчать приходится мышлению. По мнению А. Лорети, анализирующего творчество Л. Витгенштейна, «такое молчание – это чистое созерцание» [6, с. 38]. Подобного рода выводы способствуют выявлению предельных оснований языковой рефлексии мира. Используя язык для выражения невыразимого, автор приходит к «метафилософской» проблематике, связанной с созданием некоей новой онтологии мира, с позиции которой, по выражению С.В. Данько, реализуется «невозможность любой онтологии» [4, с. 3]. В связи с этим возникает проблема, связанная с созданием такой логической теории, которая способна была бы не разрушить ту оптику, которая в идеале призвана обеспечить «правильное видение мира». Не случайно В.В. Бибихин отмечает, что логика Л. Витгенштейна – это одновременно и мистика [1, с. 39].

В дальнейшем, пытаясь прояснить содержание логической теории, философ по-новому расставляет исследовательские акценты, и предметом его анализа становится уже не семантика и синтактика языковой рефлексии мира, а прагматика. Уже в конце 1920-х годов автор начинает переосмысливать свою теоретическую концепцию в связи с обращением к языковым практикам. И если в «Логико-философском трактате» речь шла о возможности открытия потенциального содержания языка и мира, то в более позднем творчестве их соотношение рассматривается в практике реального самоосуществления. Наиболее полно эти идеи были

представлены в его работе «Философские исследования», опубликованной только в 1953 году.

По мнению автора, языковая рефлексия мира должна рассматриваться в практике обращения к самой жизни. Поэтому исследователь пишет о том, что «значение слова – это его употребление в языке» [3, с. 250]. При осуществлении такого прагматического анализа структуры языка автор отказывается от выявления его предельных элементов, в которых закрепляются устойчивые значения и смыслы. Обращаясь к характеристике речевых ситуаций, Л. Витгенштейн объясняет способ их структурирования по принципу организации «семейств», представляющих собой «сложную сеть подобий, накладывающихся друг на друга и переплетающихся друг с другом, сходств в большом и малом» [Там же, с. 266]. Образование этих «семейств» не всегда поддается рациональному обоснованию, однако их содержательная общность очевидна. Философ комментирует эту особенность следующим образом: «Я не могу охарактеризовать эти подобия лучше, чем назвав их “семейными сходствами”, ибо так же накладываются и переплетаются сходства, существующие у членов одной семьи: рост, черты лица, цвет глаз, походка, темперамент и т. д. и т. п. И я скажу, что “игры” образуют семью» [Там же, с. 266].

Идея языковых игр становится основанием практического понимания мира с учетом множественности его смыслов, связь которых не всегда очевидна. В.В. Бибихин пишет: «Витгенштейн раскладывает свои загадки как игры» [1, с. 15]. Загадка как проявление формы неопределенности, фиксирующей рефлексивное отношение к миру, отражает сущность игры. В связи с этим Л. Витгенштейн пишет: «Как ограничить понятие игры? Что еще остается игрой, а что перестает ею быть? Можно ли здесь указать на четкие границы? Нет» [3, с. 267]. Невозможность установления границ понятия игры приводит философа к мысли о необходимости рассмотрения возможных соответствий игровых практик, формирующих некую содержательную общность, которая, однако, не регламентируется наличием точно определенных значений. Поэтому игра объясняется автором посредством остенсивного определения, устанавливающего реальные связи имени и именуемого: «Каково же отношение между именем и именуемым? Ну, так чем же оно *является*? Приглядитесь к языковой игре или к любой другой! Там следует искать, в чем состоит это отношение. Это отношение может состоять, между прочим, и в том, что при звуковом имени у нас в душе возникает определенная картина названного, и в том, что имя написано на именуемом предмете, или же в том, что его произносят, указывая на этот предмет» [Там же, с. 246, 247]. Отмечая значимость указания на предмет в его остенсивном обозначении, Л. Витгенштейн рассуждает о необходимости употребления слова «этот», в результате чего приходит к пониманию

именования как «таинственного процесса»: «Именование кажется какой-то *необычной* связью слова с объектом» [Там же, с. 247]. И эта связь реализуется исключительно в самом действии жизни (автор приводит пример понимания слова «Нотунг», а также понимания красного цвета).

Поэтому в определении игры, как и в самом языке, требуется обращение к реальным практикам ее осуществления. При таком понимании игры возможность обучению игровым практикам рассматривается Л. Витгенштейном через включенное к ней отношение: «Игре обучаются, глядя на игру других. Но мы говорим, что в игре соблюдаются те или иные правила, так как “наблюдатель” может вычитать эти правила из практики самой игры – как некий закон природы, которому подчиняются действия играющих» [Там же, с. 257].

Таким образом, обращаясь к понятию языковой игры, Л. Витгенштейн проводит аналогию игровых и языковых практик. Конечно, эти практики определяются правилами, однако необходимо учитывать их вариативность, которая диктуется рефлексивным мировосприятием. Одновременно сам факт существования мира свидетельствует о его устойчивости. Этот парадокс формулируется автором следующим образом: «С одной стороны, ясно, что каждое предложение нашего языка “уже в том виде, как оно есть, – в порядке”. То есть мы *не стремимся* к идеалу: как если бы наши обычные, расплывчатые предложения еще не имели своего вполне безупречного смысла и требовалось конструировать совершенный язык. С другой стороны, кажется очевидным: там, где есть смысл, должен быть совершенный порядок. Выходит, даже в самом расплывчатом предложении должен быть совершенный порядок» [Там же, с. 284]. Но что является основанием этого «совершенного порядка»? Это наши представления о языке или его функционирование в реальной ситуации?

Выявляя логику рассуждений Л. Витгенштейна о возможностях освоения языковых игр, М. Козлова справедливо указывает на то, что он первоначально указывает на значимость элементарных образцов речевых практик. Затем осуществляется их реконструкция, далее они усложняются, что способствует формированию нового языка, т. е. в языке различается как бы множество языков, выполняющих различные функции [5]. Такое многообразие языковых игр не поддается типологическому анализу. Они мыслятся Л. Витгенштейном как компоненты деятельности или формы жизни, притом не менее многообразные, чем сами жизненные практики. И более того, В.В. Бибихин, характеризуя эти философские установки, отмечает: «Язык... разворачивается вокруг события, несет его и держится на явности события. Из дополнительности речи и мира ясно, что различения между событием языка и событием мира нет: они одно и то же событие» [1, с. 41].

Таким образом, может реализовываться неограниченное количество вариаций языковых игр, которые могут быть продиктованы разнообразием форм высказываний, поведения и жестов, диктуемых характером ситуаций, связанных с переосмыслением, подменой, скрытием, акцентированием и другими способами проявления смыслов. В результате этого возникают разнообразные концептуальные ловушки, затрудняющие понимание языка. Одним из главных заблуждений, формирующих ложное понимание мира, является его представление через тождество имени и значения, характеризующееся прямой соотнесенностью предмета и знака. Подобная корреляция вне отношения к реальному действию теряет свой смысл. В связи с этим Л. Витгенштейн пишет: «Именованное – это еще не ход в языковой игре, как и расстановка фигур на шахматной доске – еще не ход в шахматной партии. Можно сказать: именованное вещи еще *ничего не сделано*. Вне игры она не имеет и имени» [3, с. 255].

Однако нашему сознанию такие именные модели внушаются самим языком, в стихии которого мы живем. Они приобретают мифическое содержание, которое трудно преодолеть, даже критично к нему отнестись. Поэтому языковая рефлексия мира требует связи с жизнью в ее реальном воплощении. Эту задачу и пытается решить Л. Витгенштейн, обращаясь к характеристике функционально-игровой модели языка. Фактически эти революционные взгляды философа на проблемы переосмысления языка способствовали развитию идей о постоянстве его связи с миром, о невозможности феноменологической имманентности ментальной сферы. Поэтому всякая возможность нарушения этого единства приводит к молчанию, или к отсутствию мира. Соответственно его рефлексия – это бесконечный перечень игровых комбинаций, в которых реализуется возможность речевого миропонимания. Постановка этих проблем свидетельствует о стремлении философа к преодолению устойчивых стереотипов в понимании связи языка и мира. В.В. Бибихин писал: «Присутствие Витгенштейна ощущается в XXI веке больше, чем в прошлом. Понимания того, чем было захвачено его существо, по-прежнему немного» [1, с. 11]. Однако при всей неоднозначности прочтения работ Л. Витгенштейна можно утверждать, что автором реализуется глобальная цель будущего, связанная с установкой на формирование мышления более ясного и свободного от всевозможных языковых ловушек, возникающих в результате игнорирования вопросов онтологии познания.

Литература

1. Бибихин В.В. Витгенштейн: смена аспекта. – М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. – 576 с.

2. *Витгенштейн Л.* Tractatus logico-philosophicus // Витгенштейн Л. Избранные работы. – М.: Территория будущего, 2005. – С. 11–228.
3. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Языки как образ мира. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – С. 220–546.
4. *Данько С.В.* Отменил ли Витгенштейн философию? (Лабиринт «ненаписанной» части Логико-философского трактата) [Электронный ресурс] // Vox. Философский журнал. – 2013. – Вып. 15 – С. 1–38. – URL: <http://vox-journal.org/html/issues/235/246> (дата обращения: 06.10.2017).
5. *Козлова М.С.* Идея «языковых игр» // Философские идеи Людвига Витгенштейна. – М.: Ин-т философии РАН, 1996. – С. 5–25.
6. *Лорети А.* Тема молчания в философии Л. Витгенштейна // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2016. – Т. 17, вып. 1. – С. 35–40.
7. *Мамардашвили М.* Вена на заре XX века // Мамардашвили М. Как я понимаю философию: доклады, статьи, философские заметки. – М.: Прогресс, 1992. – С. 388–404.

Статья поступила в редакцию 16.10.2017 г.

Статья прошла рецензирование 19.11.2017 г.

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-1.1-132-141

LANGUAGE REFLECTION OF THE WORLD IN PHILOSOPHY OF LUDWIG WITTGENSTEIN

Astakhov Oleg,

Cand. of Sc. (Cultural Studies), Associated Professor,

Professor, Department of Culture studies,

Kemerovo State Institute of Culture,

17, Voroshilov str., Kemerovo, 650029, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-2764-7686

Web of Science Researcher ID: U-8120-2017

astahov_oleg@mail.ru

Rtischeva Oksana,

Cand. of Sc. (Philosophy), Associated Professor,

Associate professor, Department of Foreign languages;

Dean of Faculty of humanities and social studies,

Kemerovo State Institute of Culture,

17, Voroshilov str., Kemerovo, 650029, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-2861-471X

Web of Science Researcher ID: U-8059-2017

ortishheva@mail.ru

Abstract

The article analyses the philosophical ideas of L. Wittgenstein connected with understanding the language as the principle for the world reflection. Considering his “Tractatus Logico-Philosophicus” devoted to identification of the logical analysis specifics, the authors note that according to L. Wittgenstein silence becomes the highest form of manifestation of the language reflection of the world. Considering the language in the aspect of expressing the inexpressible, the scholar comes to the “meta-philosophical” perspective connected with creating a new ontology of the world which is ideally designed to provide “the right understanding of the world”. In his later work “Philosophical Investigations” L. Wittgenstein considers the practical content of the world language reflection regarding life as it is. Thus, the author comes to the conclusion about the language games existence, practical implementation of which provides the discovery of a great number of meanings, and their connections are not always obvious. Such diversity of language games resists any structural analysis. L. Wittgenstein perceives them as the activity components or the forms of life, no less diverse, than life experience. Therefore, the language reflection of the world, according to L. Wittgenstein, demands establishing the real life connections. The scholar tries to solve this task, analyzing the functional and game characteristic of a language. Trying to establish original connection between the language and the world in their existential contents, the author aims to reach the principles of clear thinking, free from different language illusions.

Keywords: analytical philosophy, logic, reflexive world-view, language reflection, language game, pragmatics.

Bibliographic description for citation:

Astakhov O.Yu., Rtischeva O.V. Language reflection of the World in philosophy of Ludwig Wittgenstein. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2018, no. 1, vol. 1, pp. 132–141. doi: 10.17212/2075-0862-2018-1.1-132-141. (In Russian).

References

1. Bibikhin V.V. *Vitgenstein: smena aspekta* [Wittgenstein: change of aspect]. Moscow, Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy Publ., 2005. 576 p.
2. Wittgenstein L. Tractatus logico-philosophicus [Logical and philosophical treatise]. Wittgenstein L. *Izbrannyye raboty* [Selected works]. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2005, pp. 11–228. (In Russian).
3. Wittgenstein L. Filosofskie issledovaniya [Philosophical research]. *Yazyki kak obraz mira* [Languages as image of the world]. Moscow, AST Publ., St. Petersburg, Terra Fantastica Publ., 2003, pp. 220–546. (In Russian).
4. Dan'ko S.V. Otmenil li Vitgenstein filosofiyu? (Labirint “nenapisannoi” chasti Logiko-filosofskogo traktata) [Did Wittgenstein cancel philosophy? (Labyrinth of an “unwritten” part of Logical and philosophical treatise)]. *Vox. Filosofskii zhurnal*, 2013, iss. 15, pp. 1–38. Available at: <http://vox-journal.org/html/issues/235/246/> (accessed 06.10.2017).
5. Kozlova M.S. Ideya “yazykovykh igr” [The idea of “language games”]. *Filosofskie idei Lyudviga Vitgensteina* [Philosophical ideas of Ludwig Wittgenstein]. Moscow, Institute of philosophy RAS Publ., 1996, pp. 5–25. (In Russian).
6. Loreti A. Tema molchaniya v filosofii L. Vitgensteina [The theme of silence in L. Wittgenstein’s philosophy]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii – Review of the Russian Christian Academy for humanities*, 2016, vol. 17, iss. 1, pp. 35–40.
7. Mamardashvili M. Vena na zare XX veka [Vienna at the beginning of the XX century]. Mamardashvili M. *Kak ya ponimayu filosofiyu: doklady, stat'i, filosofskie zametki* [How do I understand philosophy. reports, articles, philosophical notes]. Moscow, Progress Publ., 1992, pp. 388–404.

The article was received on October 16, 2017.

The article was reviewed on November 19, 2017.